тебе ищет», когда не со всеми твоими речами и поступками соглашается, не старается всегда «по тебе молвить», противится «непоставным твоим словом» (стр. 63). Дион рисует наглядно такого друга: «Елико кто имеет друг, толико и очии иметь, ими же, яже хощеть, и видит, толико же и ушии ими же слышит яже достоино, толицеми же и мысльми помышляеть, яже суть на ползу. И просто рещи: подобно есть тому, иже аще устроили бы едино тело, а душь много имеяи, промыслящих о нем» (стр. 63). К прямой критике, как сказали бы мы теперь, идущей от друга, следует прислушаться: «Яко же и бчелы не жала деля ненавидиши, но плода ради любиши, тако и друга запрещенья деля не гнушаися, но приязньства ради люби», учит Катон (стр. 67). Таким добрым нелицеприятным другом для Ивана Грозного была его первая жена Анастасия Романова. Об этом прямо и пишет Хронографический рассказ 1617 г. Пышно восхваляя добродетельную жизнь Анастасии, автор добавляет: «...самого честнаго и благороднаго супруга своего, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии на всякиа добродетели наставляа и приводя».[63] И сразу после смерти Анастасии, когда кончилось ее благотворное влияние, нрав и поведение Грозного резко изменились: «...аки чюжая буря велиа припаде к тишине благосердиа его» (стлб. 1274).

Начиная рассказ о царствовании Годунова, Хронограф прямо заявляет, что он не по праву занял царский престол, но «хитростными пронырствы» (стлб. 1282). Род Годунова, его происхождение, по мнению автора статьи, не давал ему права стать царем. Мысль для русского книжника не новая. Еще Пчела словами Кира утверждала: «Иже несть благородьнее всех сущих под ним, да не владееть» (стр. 105). А на Руси «под Годуновым» оказалось немало более знатных («благородьных»), чем он, претендентов на царский престол. В Пчеле был особый раздел изречений «О власти и о княжении», где формулированы требования, предъявляемые к власти. Среди этих изречений и обширных выписок немало таких, которые прямо подсказывали поводы для критики властелина, царя, князя. Годунов приблизил к себе «клевещущих» и по их наветам расправлялся с «неповинными». Уже Изборник 1076 г. предупреждал, что «ласкавьци» «лживыми словесами» «пакость творять» человеку, «искалають очи умьнеи» (стр. 199, 205). Пчела словами Филона учила: «Лукавыя речи ласкающих отметаися: ти бо, отгоняще душевную мудрость, не дадять зрети истине вещьнеи, овогда хваляще, яже достоино хуле, овогда хуляще, яже достоино хвале» (стр. 125). Особо подчеркивает Пчела вред клеветников, сурово осуждая тех, кто прислушивается к наветам — как патриарха Гермогена историк XVII в. осудил за то, что он «слуховерствователен бысть». Статья Хронографа отмечает, что Годунов поддался «завистной злобе», им овладело «сластолюбие власти». Все это «помрачи» и добрые дела, которые он совершил в первые годы правления (стлб. 1283—1285). Вспомним советы «властелину», собранные в Пчеле: «Иже хощеть над инем княжити, да учится первие сам собою владети», «Любим въсхощи быти при житьи, нежели страшен. Его же бо вси бояться, и тъ всех боиться» (Демокрит, стр. 103); «То есть властелин истиньный, иже себе разъсужаеть и испытаеть, и свою совесть горкаго судью над собою поставляеть, мечь законныи над собою въздвизаеть, а подручником своим съгрешающим отпущаеть и кроток бываеть» (Иоанн Дамаскин, стр. 100); «... в оскуденьи людьстем съкрушенье сильных» (Соломон, стр. 96) и т. д. Историк XVII в. был

[63] РИБ, т. XIII, СПб., 1909, стлб. 1274. (Далее ссылки на это издание — в тексте).